

Иногда Нин Цюянь задавался вопросом: является ли он кем-то особенным для Гуань Хэна?

Застигнутый этой мыслью, он сам пугался собственного безумия. Он всего лишь донор крови. Даже если между ними существовал некий негласный уговор за рамками контракта — это оставалось именно уговором, не более.

До него и после него на остров Ду наверняка поднимались и будут подниматься другие доноры.

Но когда он был на острове, рядом с Гуань Хэном, — он по-настоящему чувствовал, что он особенный.

Иначе зачем бы Гуань Хэн вёл себя так, словно Нин Цюянь для него важен?

Стоило вернуться в Утун — и всё рассеивалось.

Он ясно осознавал: он — один из множества, ничем не отличающийся от других.

Ещё заметнее, чем после первой поездки, — после второй в нём поселилось острое чувство раздвоенности. Он провёл на острове всего два-три дня, какой-то выходной, — но ему казалось, что там — и есть настоящая жизнь.

Береговая линия острова Ду. Пихты. Волнистые холмы.

Огромный особняк. Бледно-голубое озеро.

И тот заброшенный маяк.

Всё это жило в его памяти, не отпуская.

А жизнь в Утуне ощущалась чем-то из прошлой жизни.

Однажды Су Цзяньчжоу спросил, не случилось ли у него чего.

— На острове Ду что-нибудь произошло? — поинтересовался Су Цзяньчжоу. — Ты стал совсем молчаливый. Всё время где-то витаешь.

Нин Цюянь сказал — нет.

— Если тебя что-то мучает или пугает — лучше скажи, — настаивал Су Цзяньчжоу.

Нин Цюянь не мог признаться другу, что думает о Гуань Хэне.

Что безнадежно скучает по нему.

О собственной нестандартной ориентации Нин Цюянь знал давно, но лишь после тех снов о Гуань Хэне понял, что это означает на практике.

Всё это было совершенно нереально.

Если бы не история с донорством, их жизни никогда бы не пересеклись. Они принадлежали разным мирам.

Нин Цюянь знал: после последней сдачи крови он уедет за тысячу километров от Утуна в Суцзин, в университет. А Гуань Хэн останется на острове Ду — в своём мире. И они больше не увидятся.

Его влечение было очевидным.

Но у Нин Цюяня не хватало опыта, чтобы справиться с тоской по тому, чем невозможно обладать.

Он не мог остановиться. В самые неподходящие моменты, в самых обычных и самых напряжённых ситуациях — он думал о Гуань Хэне.

Утун окончательно погрузился в зиму.

Приближался Новый год.

Нин Цюянь прожил у Су Цзяньчжоу около двух недель, когда дело о серийных убийствах было объявлено раскрытым. В тот же вечер, когда Су Цзяньчжоу принёс внутреннюю информацию, по телевизору наконец вышел репортаж.

Они сидели на ковре перед диваном, ели лапшу из стаканов и смотрели новости.

Жертв оказалось пятеро. Все погибли от кровотечения из крупных артерий. Способ убийства — бесчеловечный, мотив — леденящий. В кадре замазали наиболее жуткие подробности и показали крупным планом допрос подозреваемого.

Это был изнурённый мужчина средних лет — на вид самый обычный, тихий.

На вопросы полиции он отвечал бессвязно, однако полностью признал, что загрызал жертв насмерть.

В официальном сообщении говорилось, что у подозреваемого тяжёлая форма шизофрении с бредом. Он систематически воображал себя диким зверем, которому необходимо разрывать добычу, чтобы утолить голод. По ночам он выслеживал прохожих и нападал; жертвы были выбраны случайным образом.

Нин Цюянь отложил палочки:

— Не сходится.

— Что не так? — спросил Су Цзяньчжоу.

— Ты же сам говорил, что все жертвы сдавали кровь. Какая тут может быть случайность?

— А, это. Уже выяснили, — ответил Су Цзяньчжоу. — Мужчина и женщина среди погибших были супругами, сдавали кровь вместе. Убийца проник к ним домой. Ещё одна жертва жила рядом с больницей и сдавала кровь на безвозмездной основе. А двое последних никогда не были донорами, и полиция исключила целенаправленный отбор жертв.

В этот момент в конце выпуска показали фотографию из паспорта одной из жертв — той, чьих родственников не удалось найти и чья личность не была установлена.

Паспорт, разумеется, оказался поддельным.

Нин Цюянь замер на несколько секунд, а потом вспомнил:

— Я его знаю!

— Откуда? — удивился Су Цзяньчжоу.

Мысль о том, что совсем недавно живой человек погиб такой страшной смертью, вызвала у Нин Цюяня тошноту; он побледнел:

— Ну не то чтобы знаю... Видел пару раз возле «N°».

На экране было лицо того самого парня с подземной площади.

Позже Нин Цюянь сообразил, что тот пытался продать ему наркотики, — потому и кинулся бежать при виде людей, похожих на полицию. И если бы в ту ночь не появились люди с острова

Ду, его, скорее всего, ограбили бы.

Больше Нин Цюянь того парня не встречал. Он и не подозревал, что тот уже мёртв.

Рядом Су Цзяньчжоу что-то говорил.

Но Нин Цюянь смотрел на экран — на лицо подозреваемого — и, преодолевая отвращение, думал: а не стоит ли за этим делом нечто гораздо более сложное?

Он вспомнил слова Гуань Хэна на острове: «При нынешнем уровне технологий самое позднее через месяц у них будут зацепки».

Прошёл ровно месяц. И всё сбылось, как Гуань Хэн и предсказывал.

Но Гуань Хэн также говорил: «Смогут ли они задержать преступника — другой вопрос».

Необъяснимым образом Нин Цюянь чувствовал: Гуань Хэн что-то знает. Или, по крайней мере, видит за этим делом то, чего не видит он сам.

А что, если настоящий убийца — вовсе не этот «шизофреник» из телевизора?

Тогда кто — или что — на самом деле убило тех людей, чьи глаза так и не закрылись?

— Эй, — Су Цзяньчжоу прервал его размышления, — ты вообще меня слушаешь?

— А? — Нин Цюянь очнулся. — Что?

Су Цзяньчжоу поправил очки и с досадой повторил:

— О чём ты думаешь?

Нин Цюянь всё ещё выглядел рассеянным — взгляд расфокусированный, а вопрос, который он задал, заставил Су Цзяньчжоу растеряться.

— Как думаешь, — тихо спросил он, — вампиры существуют?

— Вампиры? — Су Цзяньчжоу на мгновение опешил. — Ты хочешь сказать, убийца — вампир?

Нин Цюянь покачал головой:

— Просто интересно. С точки зрения медицины — возможно ли, что вампиры реальны?

Су Цзяньчжоу усмехнулся:

— Конечно нет. Вечно молодое, бессмертное тело, не берущее ни нож, ни пуля — это физически невозможно. И ни один организм не может поддерживать полный метаболизм за счёт одной только крови. Полностью антинаучно.

Ресницы Нин Цюяня дрогнули. Он, казалось, был убеждён.

Су Цзяньчжоу принял это за подростковую фантазию и вернулся к своему вопросу:

— Я хотел спросить: после всего, что случилось, ты будешь продолжать работать в «N°»?

— Буду, — ответил Нин Цюянь. — Теперь-то тем более нечего бояться, разве нет?

Перед Новым годом «N°» устроил несколько мероприятий, вернул прежнюю оживлённость, и рук стало отчаянно не хватать.

Нин Цюянь жил у Су Цзяньчжоу, и Лу Цяньцюэ стал присылать продукты и меню прямо туда. Когда Нин Цюянь сообщил ему, что собирается вернуться к работе в «N°», Лу Цяньцюэ не возражал.

А значит, Гуань Хэн молчаливо согласился.

Интересно, как выглядит Гуань Хэн, когда общается с Лу Цяньцюэ?

Отдыхает ли он каждый день?

Стоит ли вечерами у окна с бокалом в руке, глядя на заснеженный пейзаж?

Шумные улицы Утуна. Нин Цюянь натянул шарф до самого носа, руки — в карманах пальто.

Один стоит на красном сигнале.

Один переходит дорогу.

Иногда ему чудилось, что звонит Гуань Хэн. Он бросал всё, хватал телефон — готовый услышать, как тот произносит его имя.

Но после того единственного раза — этого больше не случилось.

Нин Цюянь хотел остановить это чувство.

Но однажды, в предрассветный час после смены, когда он сидел на перилах у дороги, слушая музыку и потягивая молоко, — он заметил тёмную фигуру в тени переулка.

Человек стоял неподвижно.

Поймав на себе взгляд Нин Цюяня, он отступил на шаг назад.

Беззвучно.

— Эй! — крикнул Нин Цюянь. — На улице холодно, идите домой! Со мной всё в порядке!

Глаза у него вдруг зашипало.

Через несколько секунд фигура снова шагнула вперёд и через пустую дорогу произнесла:

— Не обращайтесь на нас внимания. Считайте, что нас нет.

И растворилась в темноте.

С тех пор Нин Цюянь иногда оставлял у обочины две-три бутылки горячего молока, прихваченного из «N°». Он не знал, сколько их было; спрашивал, но ему больше не отвечали.

В глубоких карманах пуховика бутылки позвякивали друг о друга.

И каждый раз, когда он это делал, одиночество отступало.

Однажды его телефон наконец зазвонил.

Лу Цяньцюэ перешёл на телефонную связь. Он собирался прислать вторую партию продуктов и по телефону заметил:

— Тебе пора домой, щеночек.

Нин Цюянь: «...»

Когда это прозвище уже вымрет?

Лу Цяньцюэ со смехом добавил:

— Возвращайся. Хватит торчать у холостого друга. Будь хорошим мальчиком.

Вернувшись домой, Нин Цюянь обнаружил, что квартира забита припасами.

Замок был цел, ничего не пропало — как Лу Цяньцюэ это устроил, оставалось загадкой.

Среди припасов оказались не только продукты, но и множество бытовых мелочей. А ещё — личный подарок Лу Цяньцюэ к Новому году: нелепая подушка с пришитыми тряпичными руками, как бы обнимающая хозяина.

На самом дне Нин Цюянь нашёл продолговатую картонную коробку.

Вскрыв её, он замер.

Внутри лежал гитарный футляр, а в нём — та самая чёрная классическая гитара, на которой он играл в комнате Гуань Хэна.

В коробке лежала записка.

Красивый, уверенный почерк — Нин Цюянь никогда не видел, чтобы кто-то так писал.

[Пусть она зазвучит ещё прекраснее.]

И ниже, мелко: Твой пазл не тронут. — Гуань.

Дата — полмесяца назад.

Гуань Хэн прислал ему новогодний подарок ещё две недели назад.

<http://bllate.org/book/17881/1710926>